

О СОВМЕСТНОЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ

Роберт Катлер*

(Канада)

Снова Южный Кавказ становится частью Ближнего Востока, как это представлялось во времена Британской Империи. Исчезновение различия эпохи холодной войны между Средней и юго-восточной Азией обуславливает и переопределяет проблему безопасности в регионе (1). Действительно, "Юго-Восточная Азия" была творением западных стратегов и никогда не существовала в реальности как органическое культурное, экономическое или иное единство. Как геополитическая единица она распадается, тает в более широкой группе стран, растянувшихся от побережья Черного моря до Средней Азии. Весь макро-регион от Каспийского моря до Черного моря, и все их прибрежные государства от Балкан до Средней Азии оказываются в фокусе новых направлений региональных международных систем взаимозависимости. Несмотря на свою возросшую автономность от конфликта между великими державами, международные регионы более не являются такими же взаимно отделенными друг от друга, какими они были в начале этого века.

Судьба Грузии, Армении и Азербайджана неотделима от успехов или неудач в экономическом и политическом развитии более широкого региона, и обеспечения его стабильности. Нынешняя сумятица на Южном Кавказе будет вспоминаться с нежной ностальгией, если те, кто делает политику, не будут умело обходиться с полностью предсказуемыми демографическими и географическими источниками предстоящих конфликтов. В полукруге Средней и "юго-восточной" Азии, где средний возраст ниже двадцати, демографический взрыв неизбежен. Население этого полукруга стран от Турции до Казахстана, уже составляющее около трети миллиарда, предположительно удвоится в следующей четверти века (2). Люди будут мигрировать в города - этот процесс уже начался - и там, следуя экономическому и социальному примеру Ирана в 1970-е, они превратятся в люмпенизированную массу. Как это уже происходит в Кувейте и Саудовской Аравии, наиболее образованный средний класс все громче будет заявлять о себе в политическом процессе. Был бы необходим 5-процентный средний годовой темп роста ВВП, чтобы справиться с демографическим взрывом, но в настоящее время ВВП падает.

I. Уже предложенные решения и почему они не будут работать

Есть три пути поддержания стабильности в регионе в области энергетической безопасности. Первое, можно уступить российской сфере влияния, но постараться усилить влияние Содружества Независимых государств (СНГ) как агента безопасности. Такой подход способствовал бы интеграции как специфическому инструменту безопасности и поиску трансформации СНГ из закрытой в открытую систему. Второе, Запад может заключить серию всесторонних соглашений с не-российскими членами СНГ, по модели европейских соглашений Европейского Союза с центрально- и восточноевропейскими странами. Третье, Запад мог бы проявить активность, поддерживая и участвуя в формировании единой системы отношений между Россией и другими новыми независимыми государствами (ННГ) в тех секторах, где ставятся на карту западные интересы, прежде всего энергетическая безопасность и экономическое развитие. Похоже, что Соединенные Штаты выбирают первую из этих возможностей.

Европейский Союз работает над второй версией, без явного эффекта. Третья требует больше работы, но она более надежна, более эффективна и лучше отвечает интересам государств региона, включая Россию.

Российский контроль средств транспортировки источников энергии рискует обернуться в контроль над ННГ. Перекрытие кранов есть способ удержания под каблуком непокорных сателлитов; проблема платежей также является одним из инструментов. Российская гегемония над пространством СНГ не соответствует международным нормам, приверженность которым провозглашает Запад. Откровенно говоря, это не входит в интересы Запада. Непреложным и часто игнорируемым фактом, при превращении ресурсов газа и нефти в регионе в стратегическую экономическую и политическую ценность, как для региона, так и для всего мира, является то, что ни одна из сторон одна не может успешно эксплуатировать это богатство.

Ни одна из двух идей, вращающихся вокруг этой третьей возможности, не кажется способной удовлетворить нужды реального мира. Первая из этих идей предлагает создание разветвленной сети экспортных нефтепроводов, протягивающейся до Средней Азии и управляемой международной властью, которая бы владела и оперировала ею (3). Практической трудностью этого является то, что новые независимые государства региона не смотрели бы благосклонно на отказ от территориального суверенитета, который она предполагает. Хуже того, учитывая нынешнюю и предвидимую конфигурацию российской политики, можно лишь представить, какую реакцию в Москве вызвала бы идея международной власти (предложенной Западом), действительно владеющей какой-либо частью существующей российской системы нефтепроводов, или строящей какие-либо новые нефтепроводы.

Вторая из этих идей предполагает паутину нефтепроводов на Южном Кавказе, но она довольно пессимистична относительно возможности предохранения физической целостности сети от диверсантов (4). Считается, что эта идея возникла во время посещения премьер-министром Турции Чиллер Центра Стратегических и Международных Исследований в Вашингтоне в начале 1995 года. (Турция также пыталась поддержать сообщество Азербайджана, Грузии и Армении: нечто похожее на Бенилюкс - между Бельгией, Нидерландами и Люксембургом). Более точно, вторая инициатива предполагала бы строительство возможно большего числа нефтепроводов и распределение дохода не по объему произведенной или экспортируемой нефти, а в соответствии с предопределенным дележом пирога. Однако этот вариант предлагает каждому игроку стимул к накоплению, так как оплата не является функцией произведенной или экспортируемой суммы; он представляет собой классическую проблему "вольного наездника", исключая то, что каждый может быть вольным наездником.

II. Реальные требования энергетической безопасности: новая триада

Ни одно из двух вышеупомянутых решений не удовлетворяет реальным требованиям энергетического развития и совместной безопасности. Несмотря на множество переговоров о сделках новых независимых государств с западными компаниями, действует лишь небольшое число проектов. Угроза политической стабильности и неопределенность относительно нефтепроводов блокирует тропу к развитию стратегических энергетических ценностей Евразии. Опыт Саудовской Аравии, Аляски и других мест указывает на три условия, которые должны быть удовлетворены для того, чтобы залежи нефти и газа эксплуатировались успешно и были доставлены на рынок. Двумя необходимыми условиями являются политическая стабильность, и безопасность и эффективный по стоимости транспорт. Однако и этого не достаточно. Далее требуется позитивный финансовый и инвестиционный климат.

Первым требованием является политическая стабильность. Это само требует создания легитимных правительств в регионе, и взаимного прояснения их национальных интересов. Здесь взаимная безопасность вытекает из взаимного учета соседями интересов друг друга, даже если их собственные интересы не совпадают. Вторым требованием является безопасность и эффективные по стоимости транспортные линии. Это невозможно до тех пор, пока технически они не начнут регулярно функционировать. Это означает, что они не должны зависеть от таких чрезвычайных затрат, как состояние хронического, политически мотивированного саботажа. Шеврон имел такой опыт в 1980-х в южном Судане, и не собирается вновь ставить себя в такую же трудную ситуацию.

Третье требование может быть удовлетворено лишь на основе этих двух вместе взятых: позитивный финансовый и инвестиционный климат, ведущий к приемлемым законным режимам ("правила игры"), которые согласованы с доминирующими международными нормами, и не подвержены произвольному изменению.

1. Политическая стабильность показывает совместимость национальных интересов.

В конце 1980-х, по мере того как СССР приближался к распаду, и до того как запылало пламя Карабаха, появившиеся промышленный и технический классы в Армении начали расширять коммерческие контакты с Турцией. Их турецкие партнеры с энтузиазмом ответили на эти инициативы по сотрудничеству. Взаимный антагонизм казался наконец на грани преодоления через признание взаимных интересов сегодняшнего дня. Однако, так как российская военная машина разбила демократическое движение в Азербайджане и принудила страну к участию в СНГ, азербайджанская внутренняя политика превратилась в поле боя между русским и турецким стратегическим влиянием. Армения, видя у своего порога открыто конкурирующих за власть Россию и Турцию в то самое время, когда взорвался Карабах, развила "осадное мышление", отразившее реальную экономическую осаду, которой она подверглась тогда (и сейчас) посредством Азербайджанской и Турецкой торговой блокады. Россия, соучастник и, возможно даже, движущая сила в трагедии Карабаха, выгадала из комбинации изоляции Армении и политической фрагментации Азербайджана, используя Армению в качестве военно-политического рычага против Азербайджана.

Несмотря на отрицания России, контроль над нефтепроводом Баку-Новороссийск через Грозный был важным фактором в решении Москвы послать войска в Чечню, также как и мотив их бескомпромиссного наступления на чеченские горные редуты. При массированных авиационных бомбардировках русские специально обходили стороной главные нефтепроводные линии, однако на земле чеченское сопротивление применяет диверсии как козырную карту независимо от военных изменений. Многие линии перекачки нефти и газа второстепенной и третьестепенной важности также проходят через Грозный. Повторяющиеся диверсионные взрывы трубопровода в Грузии, по которому проходит Туркменский газ в Армению, демонстрируют невозможность гарантирования целостности линий передачи при отсутствии политической и экономической стабильности.

В настоящее время Карабахский конфликт блокирует азербайджано-армянское сотрудничество, которое было бы необходимо для такого пути. Развитие нефтепровода блокируется сейчас и внутренней политикой Армении. Запад четко прояснил, что Армения может получить нефтепровод, если она сделает уступку по Карабахской проблеме. Азербайджанское руководство благосклонно относится к прокладке пути через Армению, так как это дало бы им возможность удовлетворять энергетические нужды Нахичевани, которая в настоящее время зависит от Ирана. (Все лидирующие политические фигуры Азербайджана, включая последних трех президентов, которые быстро сменяли один другого, из Нахичевани.) Трубопровод для азербайджанской нефти, построенный через Грузию, проходил бы близко к территории, населенной этническими армянами, и Россия могла бы легко спровоцировать другой абхазский бунт, угрожая политической стабильности Грузии.

Вплоть до недавнего времени Россия только поддерживала нынешнюю нестабильность, чтобы предотвратить утверждение других держав в Закавказье. Например, в разные времена Москва приветствовала Турцию и Иран, как посредников в Нагорном Карабахе лишь потому что это благоприятствовало российским интересам. Это означает игру в баланс при "балансе сил", а не разрешение конфликта. Урок, которого Запад так и не смог извлечь, заключается в том, что он должен искать политические инструменты, помогающие не-российским новым независимым государствам действовать уравновешенно и вести эффективные переговоры как с Россией, так и с нефтяными и газовыми компаниями.

2. Сотрудничество проявляется в безопасном и надежном транспорте

Хорошо известные проблемы армяно-азербайджанских отношений не являются единственным примером того, как трудны соглашения по транспорту. Трудности каспийского нефтепроводного консорциума иллюстрируют это еще в большей степени. В условиях, когда установилась относительная политическая стабильность, особо выделяются проблемы организации транспортировки. Полезно поэтому вспомнить некоторые детали.

В 1993 году Россия ограничила экспорт казахстанской сырой нефти, заявив, что Тенгизское месторождение имеет слишком высокий уровень примесей едкой серы. В результате настойчивости Москвы Шеврон построил очистительный завод для извлечения гидрогенного сульфида из нефти-сырца, перед тем как пустить ее в российскую нефтепроводную систему. Хотя Шеврон уже имел возможность переработки около 100000 тонн нефти в месяц (эта цифра удвоилась к концу 1994 года), экспорт упал до 12000 тонн в месяц и остается низким (5).

С самого начала Шеврон хотел провести прямой нефтепровод к порту, но возникли споры о том, к какому порту он должен идти, кто и как должен платить за строительство. Было согласовано, что нефтепровод от Тенгизского месторождения к Черному морю должен быть построен и управляться каспийской нефтепроводной корпорацией, совместным предприятием Казахстана, России и нефтяной корпорации Омана. Шеврон просили финансировать основную часть стоимости в 1.4 миллиарда долларов, так как Россия и Казахстан не имели денег, хотя предложена была меньшая доля акций нефтепровода. Вместо этого основная часть доли Шеврона была передана Оман-Нефти, присутствие которой в консорциуме никогда не нравилось Шеврону, и финансовое участие которой было минимально. Такое тупиковое положение привело Шеврон к резкому сокращению своих инвестиций в Тенгиз на 90 процентов к 1994 году (6).

В начале 1995 года Россия и Казахстан согласились построить короткий участок каспийского нефтепровода, 150-мильную линию от Кропоткина на Северном Кавказе до нового черноморского терминала к северу от Новороссийска (чтобы открыть ее в 1997 году). Россия объявила о планах перекачки по ней девяти миллионов тонн нефти в год, чтобы экономически обосновать это соединение без нужды в Тенгизской нефти, а Оман-Нефть принялась искать финансирование в 400 миллионов долларов у международных банков. Но и эти попытки не принесли успеха, когда Оману не удалось обеспечить международного финансирования к октябрю 1995 года, а Россия и Казахстан не смогли удовлетворить своих договорных обязательств по капиталовложениям.

Как можно объяснить этот тупик? Объяснение этому более чем простое. Еще раньше казахстанские государственные деятели утверждали, что администрация Буша оказывала на них давление. Подпись сделки с Шевроном была условием получения экономической помощи США. Если это правда, то недостаток симпатии Казахстана к протестам Шеврона против нефтепровода до Новороссийска становится более понятным. Однако, различия между Шевроном и Казахстаном, которые чуть было ни привели Назарбаева к отмене сделки и предложению Тенгизского проекта другим западным нефтяным компаниям, касались главным образом социальной инфраструктуры. Из 1.5 миллиардов долларов инвестиций, первоначально намечаемых в первые три года, Шеврон задерживал более пятидесяти миллионов долларов ассигнований на больницы, школы и т. п. Международные нефтяные и газовые конгломераты просто не обращают внимания на проблемы социальной инфраструктуры, несмотря на их важность для политической стабильности, с чем правительства (включая западные правительства), тем не менее, вынуждены сталкиваться (7).

Не является безупречной и Россия. Сделка между Шевроном и Казахстаном была эффективно остановлена, так как наиболее реальные возможности зависят от России, а окруженный сушей Казахстан отказывается прокладывать линию через Иран к Персидскому заливу. В результате, в настоящее время изучаются другие возможности транс-каспийского транспортирования. Россия, однако, настойчиво добивается как политического вето, так и экономического интереса в любом проекте по Каспийскому морю (8). Ее споры с Азербайджаном по поводу прибрежных месторождений хорошо известны. Она проложила себе дорогу к Карачанагакскому газовому проекту на северо-западе Казахстана, при задержке результатов разведки местности. Она

абсолютно ничего не сделала для развития Штокмановского месторождения в Баренцевом море (9).

3. При дружном инвестировании финансовый и правовой климат обеспечивает энергетическую безопасность

Прежде всего, самым значительным вопросом является то, как сделать эффективными международные нормы в целях поддержания финансовой стабилизации, ведущей к экономическому развитию. Международные финансовые институты над этим работают, но они фокусируются на отдельных странах индивидуально, и на таких проблемах специфической политики как приватизация, реформа цен и денежная стабилизация. Тем не менее, этот полезный подход имеет тенденцию не замечать результатов взаимоотношений между ННГ, в частности, транснациональных связей между микроэкономическими и макроэкономическими процессами, также как и необходимости в координации этого на многосторонней основе.

Макроэкономики и микроэкономики отдельно взятых стран взаимосвязаны через ансамбль национальных правовых режимов, которые являются посредниками между внутренними изменениями и международными процессами. Эти правовые структуры представляют собой органы состыковки между обществом отдельной страны и национальной экономикой, с одной стороны, а, с другой стороны, правилами международного экономического порядка, которым следуют транснациональные корпорации (ТНК), и к которым они привыкли (10). Они воздействуют на успех как микроэкономических, так и макроэкономических реформ. Например, успешная микроэкономическая политика приватизации и реформы цен требует установления эффективных систем, отвечающих за бухгалтерское право, собственность на имущество, закон о наследовании, закон о контрактах и закон о банкротстве. Также и успешная макроэкономическая политика, например, конвертации, реформы денежной системы, или международных займов, связана с возникновением внешней торговли, банковской системы и системы страхования (11).

От западного руководства уже требовали решения важных проблем платежей. Большие суммы помощи США Украине были переданы прямо России в качестве платежей за энергоносители. Это не секрет и даже поощряется Вашингтоном в целях политической и экономической стабилизации. Соединенные Штаты назначили и приняли участие в переговорах в Туркменистане, проводимых представителями МВФ для урегулирования разницы в платежах между Туркменистаном и Украиной. Там, где Запад не был вовлечен, частичный возврат был осуществлен с помощью бартерной системы: Азербайджан и Туркменистан согласились, что энергетическая задолженность первого будет оплачена товарами. Эта финансовая нестабильность воздействует на жизненные стандарты населения, а следовательно, и на политическую стабильность правления на местах. Эти проблемы неплатежей являются не особо созданными проблемами, а повторяющейся структурной неуравновешенностью, требующей систематического внимания.

III Нерешенная проблема и как ее решить

Координация прямых иностранных инвестиций, макроэкономическая стабилизация и финансовые дела имеют особое значение. Некоторые ННГ вначале торопились иметь свою собственную валюту. Россия заставила поступить так тех, кто не сделал этого, вытолкнув их из рублевой зоны весной-осенью 1993 года. Россия отступила от предложения денежного союза с Белоруссией. За исключением среднеазиатского союза между Казахстаном, Узбекистаном и Киргизстаном, валютное сотрудничество, мягко говоря, проблематично. Эта трудность осложняет макроэкономическую стабилизацию рассматриваемых стран. Западное участие необходимо и стоит мало. Платежи за энергию и таможенные доходы составляют такую большую пропорцию национальных экономик и внешнего оборота ННГ, что эти проблемы неизбежно воздействуют на макроэкономическую стабилизацию.

1 Нерешенная проблема

Так как ННГ не могут финансировать свою собственную модернизацию и эксплуатацию ресурсов,

и не имеют монополю технических возможностей, они должны обращаться к западным компаниям за инвестициями и ноу-хау. Поэтому западные корпорации и особенно западные нефтяные и газовые компании - "экономический Запад" - бросились заполнять предпринимательский вакуум после дезинтеграции Советского Союза. Западные государства - "политический Запад" - поддержали это перемещение капитала, так как это оказалось соответствующим их собственным целям помощи этим новым независимым государствам интегрироваться в мировую экономику и демократическую политическую культуру. Даже когда ННГ имеют значительные козыри для торга, когда дело доходит до переговоров с западными компаниями, они часто не имеют опыта, чтобы осознать это или играть ими мудро. Все это хорошо настолько, насколько в этом участвуют корпорации, особенно если "политический Запад" ничего не предлагает из того, что ННГ могли бы использовать как контрбаланс против требований России. Однако, это не в интересах ни западных правительств, ни их голосующей общественности, которым нужны надежные, и по разумным ценам, нефть и газ Евразии, так как не в интересах политического Запада быть бессильным для ННГ против России. Такая ситуация лишила бы Запад рычагов воздействия как против России, так и корпораций, и сделала бы собственную энергетическую безопасность Запада политически ощутимо зависимой от одной России.

Уступчивость нефтяных компаний при введении эмбарго на нефть в 1973 году и их ответ на Иранскую революцию сделали 1970-е водоразделом для американского восприятия экономической безопасности. Безошибочным выводом должно быть то, что международные нефтяные и газовые компании будут напрягаться в направлении наибольшей экономической прибыли, несмотря на то, что, как в случае с эмбарго США против Ирана, существуют ясные и недвусмысленные финансовые и правовые штрафы. Американо-европейская трещина в начале 1980-х, по вопросу о предоставлении Советскому Союзу технологии для нефтепровода, иллюстрирует, что даже и в этом случае корпорации не всегда ведут себя так, как предпочитают это их правительства.

Причина заключается в том, что международные нефтяные и газовые корпорации выросли более мощными, чем их правительства, и развили отдельную политическую лояльность. Они не следуют безропотно интересам политических существей, называемых государствами, где их воспитывали, когда они были национальными и где номинально размещаются их физические штаб-квартиры. Но корпорации сдерживаются правовыми нормами. И не только это: вообще они откажутся действовать в правовом вакууме законодательной неопределенности. Поэтому они зависимы от государств, для ослабления политической власти и автономии которых они сделали так много за последнюю четверть века. Государства, с другой стороны, могут защищать их интересы, также как и интересы граждан против корпораций, только через закон, национальный и международный.

Кроме угрозы политической нестабильности, не только общее отсутствие национальных и международных правовых рамок для частных предприятий является наиболее явным препятствием, которое стоит на пути развития энергетических ресурсов (12). Эти рамки являются также средством обеспечения того, что интересы государств и их граждан уважаются, включая сбалансированное социально-экономическое развитие в новых независимых государствах. Создание этих рамок и определение того, что они связаны друг с другом и с международными законами, является, таким образом, нерешенной здесь проблемой.

2. Как ее решить

Совместная энергетическая безопасность дает ответ. В частности, ответ заключается в создании Евразийской Нефтяной и Газовой Ассоциации (ЕАНГА) для реализации огромного энергетического потенциала ННГ. Нефтяные компании имеют экономические инструменты, но им нужна среда инвестиционной стабильности, этики бизнеса и необходимые правовые рамки. Это требует политических инструментов, которые могут предложить лишь западные правительства. Даже руководители нефтяных компаний согласились бы, что развитие энергетических ресурсов слишком важно, чтобы быть оставленным только им одним. Природа и разнообразие технических и геофизических препятствий в Средней Азии уже потребовали объединения финансовых ресурсов,

транспортных возможностей и технического ноу-хау. Сложность технических проблем на Тенгизском месторождении уже потребовала новых форм организации и принятия решений (13). Устаревшие политические структуры также должны быть либо трансформированы, либо обойдены.

В начале 1950-х Франция и Германия создали Европейское Сообщество Угля и Стали (ЕСУС), с целью предотвращения еще одной войны в Европе. Поступая так, они поставили под международный контроль ресурсы, от которых зависело начало войны, и заложили основу для Европейского Союза. Евразийская Нефтяная и Газовая Ассоциация (ЕАНГА) могла бы всесторонне гарантировать национальную и международную безопасность; но она бы работала по-другому. ЕАНГА не должна была бы создавать международной бюрократии. Она не должна добиваться того, чтобы национальная власть была отдана международному органу, наподобие закона о морском соглашении. Не должна ЕАНГА контролировать и природные ресурсы или их извлечение и продажу.

Скорее она должна установить правила игры для открытия этих ресурсов, поддерживая международные режимы по развитию энергетических ресурсов. Запад должен способствовать тому, чтобы национальные системы банков, финансов и законодательства в ННГ согласовывались с международными требованиями, основывая ЕАНГА на договоре о праве на энергию, который поддерживают США и международная нефтяная промышленность (14). Будучи ассоциацией, а не сообществом, ЕАНГА могла бы выходить за рамки просто правительственного участия. В ней могли бы быть транснациональные нефтяные компании, добровольные гражданские организации из ННГ, помогающие становлению очень нужного "гражданского общества" и демократизации.

IV Выводы

Повышенные энергетические потребности новых индустриализирующихся государств в так называемом Третьем мире усиливают важность поиска новых энергетических источников в мире, по мере нашего приближения к XXI веку. Страны Европейского Союза уже импортируют половину необходимых им энергетических ресурсов. Эта цифра достигнет 75 процентов к 2020 году (15). Развитие ресурсов новых независимых государств и ровная поставка их на рынок могли бы стабилизировать глобальный энергетический баланс, сделать цены более предсказуемыми, гарантировать снабжение Запада, и обеспечить сбалансированное социально-экономическое развитие регионов. Энергетические ресурсы Южного Кавказа и Средней Азии, таким образом, представляют собой огромный потенциал для Запада, но потенциал необузданного экономического развития транснациональных нефтяных и газовых проектов представляет собой огромный вызов правительствам (и общественности, которую они представляют), который отразится на социальной цене такого экономического развития.

Москва кажется обеспокоенной тем, что развитие ресурсов вне России будет угрожать ее собственной доле на мировом рынке. Однако, энергетические монополии и министерства России вероятно хотели бы участвовать в развитии ресурсов вне России, в целях экономической прибыли. Этому сопротивляются приблизительно 400 монополий военно-промышленно-оборонного комплекса, которые продолжают устанавливать основные цены на российском "рынке", и все еще доминировать в экономической политике. Россия навязала запретительные и даже карательные расценки за право транзита. Цены настолько высоки, что вряд ли экономически обосновано искать нефть и извлекать ее из недр. Другие игроки должны сделать выбор между продолжением почти ничего не делания, тем самым позволив России ре-интегрировать СНГ, чтобы оказаться гладильной доской (наподобие Чечни), и действиями с учетом того, что ее собственные интересы отражены тем способом, каким происходит ре-интеграция.

Западные компании касаются главным образом экономических инвестиций в регион, но западные государства должны касаться балансирования его экономического развития и связанного с ним этнополитического равновесия. Энергетическая безопасность требует сбалансированного

социально-экономического развития региона, которое, в свою очередь, требует гармоничных отношений между государствами этого региона. Только на такой основе возможен для общества реальный прогресс и удовлетворение основных человеческих потребностей в пище, жилье и получении медицинской помощи, ничего не говоря о переходе к новым технологиям, экспертизам и обучению, для чего только Запад может предоставить огромные суммы капиталов и необходимые ноу-хау.

Нефтяные и газовые конгломераты необходимы для такого развития, но до нынешнего времени они оставались "вольными наездниками", извлекая прибыль из "товаров безопасности", предоставляемых государствами и международными организациями.

Даже налоговые законы не гарантируют от повышения стоимости, так как нефтяные и газовые ТНК часто могут заключать специальные соглашения. Это всегда было так, но сегодня сложилась качественно иная ситуация. В новых независимых государствах, где правительственный аппарат все еще насаждает себя, и где политическая власть общества по-настоящему не укреплена, проблемы безопасности, обусловленные несбалансированным социальным и экономическим развитием, являются не просто национальными, а международными и транснациональными.

Поэтому требуется транснациональная ассоциация правительственных, неправительственных и межправительственных организаций. Она сплотила бы все уровни международного общества с целью совместной охраны его собственной экономической безопасности и, следовательно, гарантирования для ТНК, и в связи с ними, политической стабильности, которой последние требуют для своих проектов развития. Только лишь прагматическая коалиция Запада, международной нефтяной и газовой промышленности, и местных гражданских групп и правительств ННГ, могут подтолкнуть и вывести новые независимые государства на дорогу реформ и соблюдения обязательств в деловой практике.

* Роберт Катлер - аналитик международных политических и экономических отношений из Монреаля.

1. Более подробно теоретическое рассмотрение этой точки зрения см. в: Beverly Crawford, *The New Security Dilemma Under International Economic Interdependence*, Millennium, Vol. 23, No 1 (Spring 1994), pp. 25-55.
2. Eduard Bos, My T. Wu, Ernest Massiah, and Rodolfo A. Bulatao. *World Population Projections, 1994-95 Edition: Estimates and Projections with Related Demographic Statistics* (Baltimore, Md.: Johns Hopkins University Press for the World Bank, 1994).
3. Jeremy P. Carver and Greg Englefield, *Oil and Gas Pipelines from Central Asia: A New Approach*. *World Today*, Vol. 50, No 6 (June 1994), pp. 119-121.
4. Paul A. Goble, *Light at the End of the Tunnel? Pipeline Politics in the Former Soviet Union*, *Prism*, Vol. 1, No 23 (3 November 1995), Pt. 2, [unpaginated, electronically distributed].
5. *Pipeline Problems I*, *East European Markets*, Vol. 14, No 20 (30 September 1994), p. 7; Pat Davis Szymczak, *Russia Holds All the Cards for Caspian Sea Oil Developments*, *Central European*, Vol. 4, No 10 (October 1994), pp. 27-29.
6. *Central Asia Pipeline Problems*, *East European Markets*, Vol. 13, No 12 (11 June 1993), pp. 11-12; Marshall Loeb, *Getting Pushed Out of America*, *Fortune*, Vol. 130, No 5 (5 September 1994), pp. 117-118; *Chevron's Kazakh Nightmare*, *East European Markets*, Vol. 14, No 11 (27 May 1994), pp. 11; *Chevron's Problems Concern Many*, *East European Markets*, Vol. 14, No 16 (5 August 1994), p. 7.
7. *Kazakhstan May Reject Chevron*, *East European Markets*, Vol. 13, No 4 (19 February 1993), pp. 8-9; Rose Bradu and Peter Galuszka, *The Scramble for Oil's Last Frontier*, *Business Week* (Industrial/Technology Edition), No 3300 (11 January 1993), pp. 42-44.
8. Россия выдвинула также возражения, апеллируя к международному праву. См. Jeremy Carver and Greg Englefield, 'The Future Development of the Caspian Sea', *Russia and the Other States of the CIS*, Newsletter, (May 1995).
9. Подробнее см. *Shtokmanovskoye Award Blasted*, *Oil and Gas Journal*, Vol. 90, No 50 (14 December 1992), p. 19.

10. Технические подробности по отдельным областям см. в Anand G. Chandavarkar, *Developmental Role of Central Banks: Beyond Their Regulatory and Monetary Policy Functions, Central Banks Can Foster Financial Innovation and Development*, Finance and Development, (24 December 1987), pp. 34-37.
11. Полностью об этой концепции см. Robert M. Cutler, 'The International Relations Theory and Soviet Conduct Toward the Multilateral Global-Economic Institutions: GATT, IMF and the World Bank' in Deborah A. Palmieri, ed., *The USSR and the World Economy*, (New York: Praeger, 1992), pp. 105-135.
12. Peter Nulty, *The Black Gold Rush in Russia*, Fortune, Vol. 125, No 12 (15 June 1992), pp. 126-130.
13. Sue Conning, *Be Willing to Improvise*, Systems 3X/400, Vol. 21, No 12 (December 1993), pp. 50-54.
14. Для краткого ознакомления см. Bruce Barnard, *European Energy Charter: Swapping Technology for Oil*, Europe, No 341 (November 1994), pp. 20-21.
15. Metmet Ogutcu, *Eurasian Energy Prospects and Politics*, Futures, Vol. 27, No 1 (January-February 1995), pp. 37-63.